

Веня Хранитель Знаний

LIMBO

A person wearing a dark, possibly black or dark grey, hooded jacket is centered in the frame. The jacket has a subtle red or orange glow, particularly around the hood and shoulders. The person's face is completely obscured by the hood. The background is dark and textured, resembling a wall or a surface with some light patterns. The overall mood is mysterious and somewhat ominous.

Веня Хранитель Знаний

LIMBO

«Автор»

2026

Хранитель Знаний В.

LIMBO / В. Хранитель Знаний — «Автор», 2026

рассказ о LIMBO, кафе в городе-N, которое подает блюда японской кухни. Так же в плейлистах играет японская музыка от попсы, до рока. Днём они обслуживают обычных клиентов, а ночью они обслуживают усопшие неупокоенные души японцев, что просто хотят пожаловаться на жизнь и несправедливость, а так же в последний раз испробовать блюдо родное.

© Хранитель Знаний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пока город спит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

LIMBO

Пока город спит

Город-N — город, который не торопится удивляться. Он привык к своим заводам, своим широким улицам, своей неспешной жизни между Уралом и Поволжьем. Он видел многое и давно перестал задавать лишние вопросы. Но даже здесь, на тихой улице рядом с Удмуртским театром, в ста метрах от парка развлечений, иногда появляется что-то такое, мимо чего трудно пройти не остановившись.

Вывеска LIMBO была чёрно-белой. На тёмном фоне — круг, а над ним — цветок сакуры, тонкий, почти невесомый, будто нарисованный одним движением кисти. Необычно для российского города. Необычно для Города-N. Но именно эта необычность притягивала — не кричала, не зазывала, а просто стояла и ждала, пока ты сам обратишь внимание. Кафе открылось пятого апреля две тысячи двадцать второго года, и с тех пор никуда не делось. Стоит. Работает. Радует.

Двухэтажное здание снаружи выглядело скромно, но стоило войти внутрь — и что-то в тебе сразу оседало. Не расслаблялось, нет — именно оседало, как пыль после долгой дороги. Было тепло. Пахло чем-то сложным и приятным — смесью горячего бульона, обжаренного кунжута, и тонкой нитью благовоний, которая не перебивала еду, а лишь обрамляла её. Интерьер был странным в хорошем смысле: ни полностью японским, ни полностью европейским, а чем-то средним, своим — деревянные поверхности, приглушённый свет, и на одной из стен три больших икса, которые вечером загорались тёплым свечением и были видны с улицы. Этот знак притягивал взгляд так же, как притягивает огонь свечи в тёмной комнате — непонятно почему, но оторваться сложно.

Сегодня, как и обычно, день начался тихо.

За столиком у стены сидел мужчина лет тридцати пяти — из тех, кто приходит в кафе не чтобы произвести впечатление, а чтобы просто хорошо поесть. Перед ним стояла курица в апельсиновом чатни: кусочки птицы в густом, блестящем соусе с цитрусовой кислинкой и тёплой сладостью, которая не приторна, а обволакивает. Рядом — сэндвич с курицей, плотный, аккуратно завернутый, с хрустящим краем. И три маленьких шота домашней настойки малина-липа: рубиново-красные, почти прозрачные на просвет. Он пил их неторопливо, между укусами, и лицо у него было такое, как бывает у людей, которые наконец добрались до чего-то давно заслуженного.

Ушёл довольным. Не сказал ничего лишнего. Просто оставил чаевые и улыбнулся на выходе.

За барной стойкой обосновался другой гость — пожилой, аккуратный, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Перед ним выстраивался целый ряд маленьких керамических чашечек. Он пробовал sake методично, почти церемониально — сначала Nomo Nomo, лёгкое и чистое. Потом Nihon-Sakari Josen, чуть плотнее, с зерновой глубиной. Wataru Seken no Onikoroshi — резкое название, мягкий вкус. Dassai 45 Junmai Daiginjo — и вот здесь он задержался, прикрыл глаза на секунду, потом кивнул сам себе, как человек, получивший ответ на давний вопрос. Bizen Maboroshi Junmai Ginjo завершил ряд. Он сидел и смотрел на пустые чашечки с видом человека, который только что прочитал хорошую книгу.

Молодая пара взяла сет: sake, два моти с солёной карамелью и пять суши-болл с тунцом. Моти они ели осторожно — эти белые мягкие шарики с начинкой требуют внимания, иначе карамель вытекает. Девушка всё равно испачкала пальцы, засмеялась, и парень протянул ей салфетку с таким видом, будто делал это уже тысячу раз. Суши-боллы исчезли быстро.

Двое за угловым столиком взяли суши-сету и не разговаривали почти весь обед — но не потому что им было не о чем говорить, а потому что еда не требовала слов.

А потом пришёл он.

Вошёл уверенно, огляделся с выражением человека, который заранее знает, что будет разочарован, но всё равно даёт шанс. Сел. Заказал. Стал есть — и начал.

Недосолено. Соуса мало. Рис не той текстуры. В Японии, — сказал он достаточно громко, чтобы его услышали за соседними столиками, — в Японии так не делают. Он там был. Он знает. Здесь, конечно, стараются, но до настоящего далеко. Очень далеко.

Персонал слушал спокойно. Не огрызался, не оправдывался — просто принимал слова с ровным лицом, как принимают дождь: он идёт, это не хорошо и не плохо, он просто идёт.

Но пожилой мужчина у стойки с рядом пустых чашечек из-под sake, наконец обернулся. Посмотрел на скандалиста без злости, без раздражения — просто внимательно и устало.

— Если вам не нравится, — сказал он негромко, — никто вас не держит. Ребята стараются. И мне здесь хорошо. А это, знаете ли, не так мало.

Скандалист открыл рот, закрыл. Фыркнул. Что-то буркнул про одну звезду в отзыве. Подозвал официанта, оплатил, ушёл — дверь за ним не хлопнула, просто закрылась, и стало чуть тише.

Зал выдохнул.

Такие люди находились всегда. В любом месте, в любой день — один на десяток, но обязательно один. Недовольный ценой, вкусом, атмосферой, самим фактом существования чего-то, что не совпадает с его представлениями о должном. Это не злость и не придиричивость — это просто человек, которому везде немного не то.

ЛИМВО принимало всех. Днём — всех без исключения.

День катился к вечеру. Гости приходили и уходили. Музыка менялась — то что-то лёгкое и попсовое с женским голосом, то гитарный рок, то тихая инструментальная вещь, в которой было много пространства и мало слов. Запах кухни не исчезал, только чуть менялся к вечеру — становился гуще, теплее, домашнее.

В девять вечера три икса на стене загорелись.

В одиннадцать последний дневной гость расплатился и ушёл.

Официант убрал столы. Протёр стойку. Сменил музыку на что-то очень тихое.

И стал ждать полуночи.

Потому что с полуночи начиналось другое.

Ночной официант не нуждался в имени.

Имя — это якорь для живых. Способ сказать: вот я, запомни меня, я существую. Но усопшие не приходят сюда за яркостью. Они приходят за тишиной. За покоем. И человек, который встречает их, должен быть именно таким — тихим, ровным, без лишнего веса личности. Просто присутствие. Просто внимание. Этого достаточно.

Он стоял у первого столика — того, что всегда был первым. Не по расположению в зале, не по номеру. Просто все они появлялись именно здесь, один за другим, будто что-то невидимое указывало им место. Зал был тёмным, только несколько светильников горели вполсилы, роняя мягкий свет на деревянные поверхности. Музыка стихла. Благовония догорели почти до конца, и их запах стал тоньше, едва уловимым.

Официант ждал.

Он моргнул.

И за столиком появилась фигура.

Не возникла из воздуха с грохотом и вспышкой — просто была и не была, а потом была. Тёмная, не вполне чёткая по краям, как силуэт человека, нарисованный тушью на влажной бумаге — контуры есть, но они немного растворяются в пространстве вокруг. Мужчина. Сидит прямо, плечи чуть опущены. На нём угадывался пиджак, галстук, белая рубашка. Офисный

работник — это читалось даже в том, как он сидел: привычка держать спину ровно, даже когда сил уже нет.

Официант подошёл. Негромко, ровно спросил:

— Что вы будете заказывать?

Голос призрака был странным. Не страшным — именно странным. Он вибрировал чуть иначе, чем человеческий, будто звук шёл не изо рта, а откуда-то изнутри самого пространства рядом с фигурой. Нечеловеческий тембр, но слова — понятные, отчётливые.

— *Maguro no sushi to, Dassai yonjūgo wo mittsu.* (Суши с тунцом. И три Dassai 45.)

Официант кивнул. Записал в блокнот — коротко, без лишних движений. Вырвал листок, отнёс на кухню. Вернулся. Сел напротив.

Не спросил разрешения. Просто сел — так, как садятся рядом с человеком, которому плохо. Не слишком близко, не слишком далеко.

— Вас что-то беспокоит, — сказал он. Не вопрос. Утверждение, произнесённое мягко.

Фигура молчала секунду. Две. Потом заговорила — и в голосе том, вибрирующем и нечеловеческом, было что-то такое узнаваемое, что становилось не по себе.

— *Watashi no namae wa Yūji Hashino desu.* (Меня звали Юдзи Хашино.)

Он произнёс это так, будто сам только сейчас вспомнил — или решил, что это важно сказать вслух. Назвать себя. Хотя бы здесь.

— *Sanjūhassai datta.* (Мне было тридцать восемь лет.)

Пауза.

— *Kaisha ni jūnen ita. Jūnen da.* (Я проработал в компании десять лет. Десять лет.)

Он говорил ровно, без надрыва — как говорят люди, которые уже отплакали всё, что могли, и теперь просто излагают факты. Но в самих фактах было столько усталости, что слушать их было тяжело.

Компания была средней руки — токийский офис, финансовый отдел, восемьдесят человек в здании, из которых Юдзи знал от силы двадцать. Остальные существовали как фон — лица у лифта, спины в коридоре, голоса за перегородками. Он пришёл туда в двадцать восемь, молодым, с дипломом и желанием работать. И работал.

— *Mainichi, saishū densha ga deteru ato mo nokotte ita.* (Каждый день я оставался после последней электрички.)

Последняя электричка в Токио уходит поздно. После неё оставаться — это значит ночевать в офисе или ловить первый утренний поезд. Юдзи делал и то, и другое. Потому что работы было много, потому что дедлайны не двигались, потому что начальник заходил в половину десятого вечера и говорил: «Ты ещё здесь? Молодец» — таким тоном, в котором не было ни капли похвалы, только констатация факта, которая означала: продолжай.

— *Zangyū wa tsuki ni hyaku jikan wo koeta koto mo atta.* (Бывали месяцы, когда сверхурочных набегало больше ста часов.)

Сто часов сверхурочно. В месяц. Это значит — каждый день по три-четыре часа после окончания рабочего времени, без выходных. Это значит — жизнь, которая сужается до размера рабочего стола. Экран. Таблицы. Отчёты. Снова экран.

— *Dare mo arigatou to wa iwanakatta.* (Никто ни разу не сказал спасибо.)

Он говорил об этом без горечи. Горечь — это когда ещё ждёшь чего-то другого. Юдзи перестал ждать примерно на пятом году. Просто продолжал работать, потому что не знал как иначе, потому что система требовала именно этого — бесконечного, молчаливого труда без признания.

— *Kachō wa itsumo watashi no shigoto wo jibun no mono ni shita.* (Начальник всегда присваивал мою работу себе.)

Отчёты, которые Юдзи готовил неделями — уходили на совещания с именем начальника на титульном листе. Идеи, которые он предлагал на планёрках — отвергались, а через месяц

звучали из чужих уст как новые. Он поднимал руку, чтобы что-то сказать, и его не замечали. Он писал письма — они оставались без ответа. Постепенно он научился молчать. Это оказалось проще.

— Dōryō-tachi wa watashi wo mite nakatta to omou. Kagu no yō ni. (Думаю, коллеги смотрели сквозь меня. Как сквозь мебель.)

Не со злости. Просто — не видели. Юдзи был из тех людей, которые не умеют занимать пространство громко. Он не рассказывал анекдоты в курилке, не ходил на корпоративы с видом человека, которому это важно, не умел превращать мелкие победы в повод для самопиара. Он просто работал. И постепенно стал частью офисного пейзажа — как принтер в углу, который всегда работает, но которому никто не говорит спасибо.

— Karada ga dandan okashiku natte itta. (Тело начало сдавать постепенно.)

Сначала — сон. Он перестал нормально спать примерно на седьмом году. Засыпал поздно, просыпался рано, и между этими двумя точками было что-то рваное и неглубокое, не отдых, а просто перерыв. Потом — давление. Врач говорил: нужно меньше работать, нужно отдыхать, нужно. Юдзи кивал и возвращался в офис.

— Ano hi mo zangyō datta. (В тот день я тоже задержался на сверхурочные.)

Был февраль. Офис к десяти вечера почти опустел — только Юдзи и ещё двое в дальнем конце зала. Он смотрел в экран, и что-то внутри груди сначала сжалось — сильно, незнакомо — а потом отпустило. Он подумал: странно. Хотел встать. Не смог.

— Taoreru mae ni kangaeta no wa, ashita no hōkokusho no koto datta. (Последнее, о чём я подумал перед тем как упасть — был завтрашний отчёт.)

Он замолчал.

Официант не шевелился. Просто сидел и слушал — с тем спокойным, ровным вниманием, которое не требует ничего в ответ. Не жалел, не ужасался, не произносил слов утешения, которые всегда звучат чуть мимо. Просто был рядом и слышал.

За стойкой тихо звякнул колокольчик.

Официант встал. Прошёл на кухню — тихо, быстро. Вернулся через полминуты с подносом.

Суши с тунцом были выложены аккуратно — тёмно-розовые пласты рыбы на плотных рисовых основаниях, капля васаби сбоку, тонкий ломтик имбиря. Три маленьких керамических чашечки с Dassai 45 стояли рядом. Саке в них было светлым, почти прозрачным.

Официант поставил поднос на стол. Выпрямился. Поклонился — низко, с достоинством, как кланяются не из вежливости, а из уважения. Потом тихо отступил.

Он не смотрел, как призрак ест. Это было не его дело. Его дело было — принести, поклониться, уйти. Дать мёртвому человеку эти несколько минут, которые принадлежат только ему.

Он стоял у стойки, спиной к столику, и ждал.

Три минуты.

Он обернулся и подошёл.

Тарелка была пуста. Чашечки — пусты. Фигура за столиком стала чуть менее чёткой — контуры совсем растворились, осталось только что-то едва уловимое, как остаток тепла на том месте, где только что сидел человек.

— Arigatō gozaimashita. (Спасибо вам.) — Голос был тише, чем раньше. Дальше. — Najimete sonnani tasetu ni sareta ki ga shita. (Впервые я почувствовал, что меня ценят. Хотя бы здесь.)

Официант поклонился.

Фигура исчезла. Не ушла — именно исчезла, тихо и без следа, как растворяется дым в холодном воздухе. На столике остались пустые тарелки. Официант собрал их. Протёр стол. Поправил стул.

Зал был тих.

Девять душ ещё не пришли.

А насчёт убытка — нет, LIMBO не работало в убыток. К концу ночи, когда последний гость растворился в темноте, на стойке появлялось вознаграждение. Небольшое — кусочек золота размером с наперсток, тёплый на ощупь, почти живой. Достаточно, чтобы покрыть всё. И немного сверх того.

Но об этом — потом. Сначала нужно было встретить остальных.

Официант вернулся к первому столику.

Встал. Выпрямился.

И стал ждать.

Второй столик был у окна.

Не тот, что стоял в центре зала — этот был встроен прямо в подоконник, с мягкими бортиками по бокам и низкой спинкой. Днём здесь любили сидеть те, кто хотел смотреть на улицу — на прохожих, на театр напротив, на медленный вечер Города-N. Место было уютным, немного отдельным от остального зала, своим маленьким миром.

Официант моргнул.

И на подоконнике сидела она.

Школьница. Старшеклассница — это угадывалось сразу, в том, как она сидела: ноги поджаты под себя, локти на коленях, голова чуть наклонена. Тёмная фигура с размытыми краями, как и все они, но в силуэте читались косички, школьная форма, гольфы. Она смотрела в окно — туда, где за стеклом был ночной Город-N, тихий и пустой. Потом почувствовала его приближение и обернулась.

Официант подошёл. Поклонился — спокойно, уважительно, как кланяются всем без исключения, вне зависимости от возраста и положения.

— Что вы будете заказывать?

Голос у неё был высоким. Чуть писклявым, энергичным — совсем не таким, каким, кажется, должен говорить призрак. Но вибрация в нём была та же — нечеловеческая, идущая не из горла, а из воздуха рядом.

— Waa, kakkoii! (Вау, какой красивый!)

Она не назвала заказ. Вместо этого улыбнулась — или то, что в тёмной размытой фигуре читалось как улыбка — и чуть подвинулась на подоконнике.

— Yokattara, issho ni tabemasen ka? Hitori wa sabishii desu. (Может, составите мне компанию? Одной скучно.)

Официант не изменился в лице. Ни на долю секунды.

Он знал это правило лучше, чем что-либо другое. Знал не из книги и не из инструкции — знал потому, что до него был другой. Тот тоже стоял вот так, у чьего-то столика, и тоже слышал: побудь со мной, ты такой красивый, мне одиноко. И остался. А потом — исчез. Вместе с ней, куда бы она ни ушла. Больше его никто не видел. Ни днём, ни ночью.

Граница между живым и мёртвым тонкая. Переступить её проще, чем кажется.

— Могу я принять ваш заказ? — сказал он ровно.

Девушка чуть надула губы — это тоже читалось в силуэте, в едва заметном движении.

— Mō, tsumetai naa. (Ой, ну вы такой холодный.)

Но всё же заказала.

— Chokoreeto aisu no mochi, jūko onegaishimasu! (Десять моти с шоколадным мороженым, пожалуйста!)

Официант записал. Кивнул.

— Ожидайте около двадцати минут.

— Hitori de? (Одна?)

— Ваш заказ будет готов через двадцать минут, — повторил он и отошёл к стойке.

Он вернулся через положенное время. Поставил блокнот на стойку, подошёл к окну и просто сел рядом — не вплотную, на безопасное расстояние — с видом человека, у которого есть минута, чтобы выслушать.

Она сразу оживилась.— Ne ne, kiite kudasai yo! (Эй, послушайте!)

И начала рассказывать — быстро, вперемешку, перескакивая с одного на другое, как рассказывают о том, что долго носили в себе и наконец нашли уши.

— Tomodachi-tachi ga itsumo karakatte kuru n desu. (Подруги всегда надо мной подшучивали.)

Голос стал чуть тише, но не потерял своей высокой ноты.

— Mada kareshi inai no? tte. Mainichi mitai ni. (До сих пор нет парня? Почти каждый день.)

Она говорила об этом с той смесью обиды и наигранного безразличия, которая бывает только у подростков — когда больно, но признавать это больно тоже больно.

— Watashi, kawaii desho? Jibun de iu no mo hen dakedo minna sō iu shi. (Я же милая, правда? Странно самой так говорить, но все так и говорят.)

Пауза.

— Nande kareshi dekinai no kana, tte itsumo kangaeteta. (Я всё время думала — почему же тогда нет парня?)

Подруги смеялись по-доброму, говорила она. Не со злости. Но от этого не легче — добрый смех тоже смех, и когда он повторяется изо дня в день, он перестаёт казаться добрым. Он начинает казаться правдой о тебе. Ты красивая, ты милая, ты смешная и лёгкая в общении — но одна. Значит, что-то не так. Значит, где-то есть изъян, который видят все, кроме тебя.

— Dakara, kawaii hito ni atta toki wa, jibun kara hanashi kakete shimau n desu. (Вот поэтому, когда вижу кого-то симпатичного, сама начинаю заговаривать.) Она снова улыбнулась в сторону официанта. — Anata mo kawaii desu yo, hontō ni. (Вы тоже очень симпатичный, правда.)

Официант смотрел ровно.

— Issho ni tabemasen ka, onegai! (Ну пожалуйста, поешьте со мной!) — она чуть подвинулась ближе. — Hitori de taberu no, amari suki janai n desu. (Я не очень люблю есть одна.)

В этот момент из кухни донёсся голос повара.

— Эй! Иди сюда, кран потёк!

Официант встал. Спокойно, без спешки.

— Одну минуту, пожалуйста.

Девушка вздохнула громко и демонстративно.

Пять минут.

Кран, разумеется, не тёк. Повар просто молча кивнул на стену, официант постоял там немного, потом вернулся в зал.

Все десять моти были съедены. До единого. Тарелка была пуста так основательно, будто её вылизали — что, возможно, было недалеко от истины.

Девушка сидела с видом человека, который хотел обидеться, но не смог до конца.

— Nande watashi no koto, suki ja nai n desu ka? (Ну почему я вам не нравлюсь?)

Официант не ответил на это. Он знал, что отвечать бессмысленно — она не ждёт ответа, она ждёт внимания. Просто внимания. Того, которого, судя по всему, ей всегда немного не хватало — даже когда все вокруг говорили, что она милая и красивая.

Он молча взял блокнот. Написал что-то. Вырвал листок и протянул ей.

Семь цифр. Номер телефона, которого не существовало.

Она уставилась на листок. Потом — на него. Потом снова на листок.

— Hontō ni?! (Правда?!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.